

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ О ЗАДАЧАХ ЭТНОГРАФИИ

© 1994 г., ЭО, № 3

С. В. Чешко

ДАВНИЕ ИДЕИ В НОВОМ ПРОЧТЕНИИ

Публикуемая ниже статья написана ровно сто лет назад. Она принадлежит перу Владимира Ивановича Ламанского (1833—1914), академика Петербургской Академии наук, известного в свое время трудами по истории, этнографии, филологии, палеографии.

Статья представляет собой интерес потому, что отражает некоторые достаточно характерные черты российской научной и общественно-политической мысли конца прошлого столетия. И еще потому, что касается столь актуального ныне — вновь актуального — «проклятого национального вопроса».

XIX век был периодом наибольшего военно-политического возвышения Российской империи, расцвета ее культуры, подъема национального (общенационального) самосознания. Это был также период осмысления места и роли России в мировой цивилизации, перспектив, путей ее развития.

«Национальный вопрос» занимал видное место в научной и публицистической литературе России второй половины XIX в. К тому времени завершилось формирование многонациональной империи, включавшей весьма разнородные в историко-культурном отношении народы и регионы. Наиболее развитые из них вошли в национальную фазу развития, начали проявлять некоторую активность в отстаивании своих национально-культурных (пока еще не политических) интересов. Реформа 1861 г. и последовавшие за ней преобразования способствовали формированию новых социально-экономических и политических отношений в стране, предпосылок гражданского общества.

На этой новой основе складывалось полиэтничное российское согражданство, российская «протонация». Она была очень неоднородна, различные ее части по-разному и в неравной степени интегрировались в общество; главный структурообразующий компонент — русский народ — сохранял в себе многие культурные и социальные традиции донациональной эпохи. И все же в рамках единого государства постепенно консолидировалась новая социально-политическая общность. А общественная мысль поднялась к пониманию того, что основой Российского государства должно быть нечто иное, чем самодержавие, а именно — сам народ. Каков он, этот народ, какую роль в нем должны играть великороссы и славяне вообще, каким образом следует интегрировать в него инородцев — все это и составляло суть «национального вопроса» для тогдашних интеллектуалов. Он осложнялся еще и тем, что с 80-х годов царизм перешел к более жесткой политике в отношении этнических меньшинств.

В. И. Ламанский по своему мировоззрению был русофилом и панславистом. Он приветствовал доминирующую роль русского языка и русской (православной) культуры, великодержавное положение русского народа, предрекал объединение вокруг него всего славянства, полагал такую перспективу прогрессивной и естественной.

Но вот другие мысли В. И. Ламанского. Многонациональность — благо для России, залог ее будущего процветания. Россия должна утверждать спра-

ведливость в отношении своих инородцев, заботиться об их просвещении, развитии их культуры, языков. В особенности он требовал этого от этнографов, полагая, что не выработав в себе любви к инородцам, ученый не сможет добиться успехов в своей исследовательской деятельности.

Взгляды В. И. Ламанского могут показаться противоречивыми, а кто-то, наверное, посчитает его великодержавным шовинистом, маскирующимся под гуманиста. Следует, однако, учитывать время, в которое жил этот ученый.

Завершилось политическое переустройство Европы, в результате которого образовались крупные, полиэтнические по составу и национальные по характеру экономических и социально-политических отношений государства. Еще не существовало мощных этнонациональных движений. В таких условиях и под влиянием космополитических идей британской политэкономии, а также культуртреггерских установок эволюционизма, многие либеральные ученые рассматривали мировое сообщество как совокупность нескольких крупных наций с ассоциированными этническими меньшинствами, обреченными быть под патронажем крупных наций. Эту идеологию можно именовать националистической, но то был национализм отнюдь не шовинистический, а скорее патерналистский: крупным, державным нациям вменялось в обязанность всячески помогать меньшинствам в развитии их национальных культур и языков. Достаточно характерным было и представление о грядущем исчезновении национальных различий (К. Маркс вовсе не был изобретателем этой идеи, а лишь следовал тогдашней традиции), но непосредственно такая задача не ставилась. Впрочем, В. И. Ламанский, как мы можем убедиться, придерживался иной точки зрения, полагая этническое разнообразие нормой и благом для России.

Идеологическая концепция, о которой идет речь, в конечном счете оказалась нереалистичной. Этнической гармонии не получилось. Буржуазные общества конца XIX в. не были еще готовы к восприятию и реализации принципа национального равноправия, а этнические меньшинства, в ответ на это, стали продуцировать политизированные движения, основанные на идеях этноцентризма и сепаратизма. С конца XIX в., под влиянием прежде всего социал-демократов, на первый план выходит идея политического самоопределения этнических меньшинств, доведенная В. И. Лениным до своего абсолютного выражения — «вплоть до отделения». Сегодня мы видим, что эта максима, а к ней обязательно приходят национальные движения, избирающие политический вариант самоопределения, порождает не мир и этническое согласие, а вражду и войны. Да и самоопределение народов она, как правило, не обеспечивает. Взгляды В. И. Ламанского на «национальный вопрос» большей частью, конечно, устарели, да и изначально они были утопическими. Но импонируют гуманизм, нравственность его подхода — гуманизм и нравственность, соответствовавшие тем конкретным условиям. Не будем строго судить В. И. Ламанского и за его патерналистские воззрения: многие народы России в то время еще не обнаруживали готовности к самостоятельной государственной жизни.

В рассуждениях В. И. Ламанского есть и очень, на мой взгляд, рациональный посыл, чрезвычайно актуальный для наших дней. В приведенной статье он содержится в ее самой «шовинистической» части: «Решительное отрицание восстановления исторической Польши... и полное признание с нашей стороны этнографической Польши...». Здесь важно не то, что автор выступал против польской государственности и не верил в ее жизненность. Важно то, что еще сто лет назад в России были люди, понимавшие, что именно равноправие народов и свобода их национально-культурного развития, а отнюдь не собственная государственность, являются главными ценностями и целями справедливой политики в «национальном вопросе».

И еще одно. В последние годы утвердилось мнение, что собственную «национальную идею» имеют моральное право выдвигать все народы, за исключением русского. Стоит кому-то заговорить о национальных интересах русского народа — и он рискует быть ошельмованным как великодержавный шовинист, а то

и фашист. «Русский вопрос», действительно, нередко эксплуатируется в политических целях, но это не может служить основанием для того, чтобы держать русский народ в идеологической резервации. А знакомство с общественно-политической, философской, исторической литературой России XIX в. показывает, что «русская национальная идея» изначально была чужда этноцентризму, пренебрежению к другим народам. Она и сегодня не может не быть интернациональной, поскольку русскому народу, хочет он того или нет, придется и впредь быть основой многонационального российского государства.

© 1994 г., ЭО, № 3

В. И. Л а м а н с к и й

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОСАХ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РОССИИ*

Задача этнографии и этнологии состоит в изучении и определении места, и характера и значения каждой расы, каждого племени, каждой народности во всем их местном разнообразии, как в прошлом, так и в настоящем. В этом отношении *н а р о д о в е д е н и е* (этнография и этнология) имеет великое значение и в смысле просветительном, христианско-человеческом, и в смысле государственном. Так не несчастье и не бедствие, а великое благо и богатство наше заключается в этом изобилии разных инородцев, рассеянных по России и внутри и на окраинах. Чем численнее известный исторический народ, — т. е. национальность, создавшая прочное и независимое государство и свою оригинальную литературу — и чем более этот народ в пределах своей государственной территории имеет инородческих элементов, чем они разнообразнее и разнороднее между собою, тем оно благоприятнее и плодотворнее для гражданственности и образованности этой национальности. При таком выгодном процентном отношении главного национального элемента (славянского, и в нем общерусского, а в последнем великорусского) ко всем прочим инородческим, неславянским, а часто и нехристианским, вообще самым разнородным элементам, какое имеется в России, нет и не может быть никаких опасений за упадок преобладающего значения русского языка в России: чем более будут просвещаться и развиваться наши разнообразные инородцы, тем более, при всем ревнивом охранении своей народности, они будут нуждаться в русском языке, в русской книге и принимать деятельное участие в общей русской государственной и культурной жизни. Это участие их тем будет плодотворнее, чем оно будет свободнее и охотнее, чем более главный русский национальный элемент будет доставлять убедительных и наглядных доказательств своего безбоязненного, вполне искреннего и дружелюбно-расположения ко всем этим разнообразным инородческим элементам.

И с точки зрения историко-этнографической и с точки зрения государственного права сильно ошибаются, когда уподобляют, в вопросе народностей, Россию, на примере Австро-Венгрии. Там не один, а два главных руководящих национальных элемента: немецкий и мадьярский, да и процентное и политическое и культурное отношение немецкого элемента в Цислейтании к элементам славянским и итальянскому (в Тироле) и мадьярского в Транслейтании к элементам славянским и румынскому неизбежно наконец должно привести к значительному ослаблению Немцев в Цислейтании и Мадьяр в Транслейтании в пользу Славян и Итальянцев в одной и Славян и Румын в другой.

* Статья перепечатана из журн. «Живая старина» 1894, В. I.